

УДК 159.964.26:159.954.2(494)(092)

А. В. Вертель

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры психологии
Сумской государственной педагогической университет имени А. С. Макаренко,
г. Сумы, Украина,
antonvertel@ukr.net,
ORCID 0000-0003-2247-7443*

И. И. Криловецкая

*психотерапевт,
Ассоциация психологического
здоровья и профилактики самоубийств
г. Сумы, Украина,
kryloinna@gmail.com,
ORCID 0000-0002-4542-2782*

К ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЙ ВООБРАЖАЕМОЕ И ФАНТАЗИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ К. Г. ЮНГА

В статье анализируется комплекс вопросов, связанных с пониманием и интерпретацией концептов «воображаемое» и «фантазия» в философско-психологическом дискурсе. Рассматриваются концептуальные отличия методологических подходов к проблеме воображаемого и фантазии в классическом психоанализе и аналитической психологии. Показано, что в русле психоаналитической проблематики, а именно с позиций аналитической психологии К. Г. Юнга воображение не имеет ничего общего с фантазией, как в научно-прикладном, так и в повседневном (обыденном смысле).

***Ключевые слова:** воображаемое, бессознательное, фантазия, сознание, аналитическая психология, активное воображение.*

Постановка проблемы. Разработка методологии исследования проблемы «воображаемого» и «фантазии» в контексте психоанализа вызвана тем, что традиционные научно-психологические и философские подходы сегодня демонстрируют недостаточную эффективность, так как не в состоянии адекватно объяснить эти феномены.

Цель статьи – провести философско-методологический анализ концептов «воображаемое» и «фантазия» в философской системе К. Г. Юнга.

Проблема фантазии и воображаемых ментальных конструктов рассматривались философами и психологами в контексте классической рациональности, а это вектор который эксплицирует данные феномены через призму сознания. Классический психоанализ и порожденные им

психоаналитические теории (во всех фундаментальных проявлениях) как воплощение неклассической психологии возникает в условиях эпистемологического кризиса, в атмосфере общетеоретических споров о природе психического на почве научного детерминизма выдвинув на передний план идею бессознательного. Таким образом, психоанализ рассматривает данные феномены не только через сознание, а в контексте динамического взаимодействия сознательных и бессознательных процессов.

Концепт «воображаемое» существует уже длительное время и, безусловно, является общепризнанным. Несмотря на значительный опыт анализа, многие методологические и теоретические аспекты проблемы этого феномена остаются дискуссионными, а его исследования в современных условиях являются одним из самых актуальных в философии вообще и философской психологии в частности.

Анализируя роль и влияния воображения на сознание, Д. Разеев пишет: «Воображение является не просто «искусством, глубоко скрытым в нашей душе», не просто «слепой, хотя и необходимой, функцией души», но выступает решающей способностью, которой обязано не только наше мышление, но и сам генезис сознания» [4, с. 98].

Впервые должное внимание к проблеме фантазии уделил «отец научной психологии» В. Вунд. Разрабатывая экспериментальные методы изучения сознания, он приходит к выводу, что фантазия не может служить внешним, легко узнаваемым признаком. Она нечто живущее и действующим в глубинах сознания – это комплекс различных функций, который представляет трудности не только анализу, стремящемуся разложить его на отдельные факторы и определить их взаимодействие, но и непосредственному наблюдению. В. Вунд считает, что все душевные явления, в которых проявляется творческая деятельность, принадлежащими к области фантазии. Независимо от того, состоит ли эта деятельность только из воспроизведений прежних состояний сознания, или из чего-то нового, то есть того, что было получено в прежних переживаниях только в своих элементах, или в отдельных данных своего целого [1, с. 29].

Фантазия – это воображаемый сценарий, в котором в искаженном виде исполняется желание субъекта. Фантазии могут иметь различные формы и выступать в форме осознанных или же бессознательных фантазий. З. Фрейд, говоря о роли фантазирования в этимологии неврозов, считал реальными патогенные сцены детства (рассказы пациентов), но в последствии отказался от этого предположения. Детальный анализ фантазий привел З. Фрейда к

мысли о существовании бессознательных схем, или «первофантазий», выходящих за рамки сознания и наследуемых генетически. В частности в 23 лекции «Пути образования симптомов» З. Фрейд пишет: «Невозможно сомневаться в источниках влечений [...]. У меня готов ответ, но я знаю, что он покажется вам рискованным. Я полагаю, что эти *прафантазии* – как мне хотелось бы назвать их, и конечно, еще некоторые другие – являются филогенетическим достоянием. Индивид выходит в них за пределы собственного переживания в переживание доисторического времени, где его собственное переживание становится слишком рудиментарным» [7, с. 237].

В наиболее развернутом метапсихологическом определении фантазии З. Фрейд соединяет ее полярно противоположные аспекты. С одной стороны, фантазии внутренне упорядочены и лишены противоречий. Фантазии используют все преимущества системы сознания, поэтому их сложно отличить от сознательных образований. Но, с другой стороны, фантазии бессознательны и лишены доступа к сознанию, а поскольку их источником является бессознательное, то именно оно определяет их судьбу. По мнению З. Фрейда фантазирование – это та область, где очень удобно зафиксировать механизм перехода между психическими системами (вытеснение и возврат вытесненного).

Одна из работ С. Жижека, «Чума фантазий», посвящена проблеме фантазии. Он пишет: «... фантазия не просто реализует желание иллюзорным путем: скорее, ее функция в чем-то подобна «трансцендентальному схематизму» Канта: фантазия создает наше желание, дает нам ориентиры; буквально, «она учит нас, как желать». Роль фантазии, таким образом, подобна злополучной шишковидной железе в философии Декарта, этим посредником между вещью мыслящей (*res cogitans*) и вещью протяженной (*res extensa*)» [3, с. 40]. Таким образом, фантазия непосредственно связана с желанием, представляя собой сценарии, зрелища и последовательность сцен, в которых постоянно присутствует субъект и фактически играет свою роль не только как наблюдатель, но и как непосредственный участник. Фантазия как способ выражения желания выступает местом защиты, обеспечивая защитные действия: обращение на себя, обращение в свою противоположность, отрицание и т. д. Все эти элементы защиты связаны с желанием, в котором изначально присутствует запрет.

Термин *Воображаемое* происходит от латинского *imaginarius*, которое может быть и существительным и прилагательным. Как прилагательное оно обозначает идущее от образа, означая нечто обладающее качеством образа.

Как существительное оно обозначает конкретного индивида, того, кто несет образ и обозначает, то, что существует в воображении. *Воображаемое* – это нечто относящееся к воображению, именно в контексте отношения воображение и воображаемое зависят друг от друга. Без воображения невозможно *Воображаемое*, поскольку воображению свойственно воображать что-то из воображаемого. По мнению Ф. Фейхе *Воображаемое* обозначает некий ноэматический коррелят. С позиций феноменологии Э. Гуссерля структура интенционального сознания, включает сознание восприятия с ноэматическим коррелятивом «реальное», сознание образа с ноэматическим коррелятивом «воображаемое» (= нереальное) и сознание памяти с ноэматическим коррелятивом «реальное, переставшее быть реальным», т. е. «то, что было реальным» [6, с. 36–37].

По Э. Гуссерлю, интенциональность – это то, что характеризует сознание в отчетливом смысле, то, что оправдывает характеристику всего потока переживания в целом как потока сознания и как единства одного сознания [2, с. 262]. После произведенной редукции в воспоминании обнаруживается вспоминаемое как таковое, в ожидании ожидаемое как таковое, в воображающей фантазии воображаемое как таковое. В каждом из этих переживаний находится ноэматический смысл. И, сколь бы близок ни был этот смысл различных переживаний, сколь бы существенно тождествен ни был он по своему основному составу, он, во всяком случае, различен в различных видах переживаний. Однако ноэматические корреляты восприятия, фантазии, образного вызывания в памяти, воспоминания, тем не менее, будут сущностно различны. В одном случае являющееся характеризуется как «живая действительность». В другом случае – как фикция, затем – как вызывание в памяти.

Это характеристики, которые обретаются как наличные в воспринимаемом, воображаемом, вспоминаемом. То есть, как таковые – как нечто, неотделимое от них, – в самом смысле восприятия, в самом смысле фантазии, в самом смысле воспоминания, как не обходимо принадлежащее в корреляции к соответствующим видам переживаний [2, с. 292–293].

Ж. П. Сартр в работе «Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия» излагает свою концепцию воображения. Концепция Воображаемого Ж. П. Сартра как было отмечено роднит ее с позицией Э. Гуссерля. Как и Э. Гуссерль Ж. П. Сартр считает, что достоверные знания о сознании можно получить только интроспективно. Поэтому единственным возможным методом, который применяет Ж. П. Сартр это

рефлексивное описание. В процессе рефлексивного исследования сознания он приходит к мнению, что сознание имеет интенциональное строение. А поскольку воображение – это тоже сознание, то и структура воображения также интенциональна.

По мнению Ж. П. Сартра, воображение не является какой-то эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно и есть само сознание в целом, потому что в нем реализуется свобода сознания. Любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального. Из этого не следует, что всякое восприятие реального должно превращаться в воображаемое. Но поскольку сознание всегда находится «в той или иной ситуации» и поскольку оно всегда свободно, постольку оно всегда и в каждый момент времени располагает конкретной возможностью для порождения ирреального. А будет ли сознание всего лишь реализующим или же оно начнет воображать, в каждый конкретный момент определяется особой мотивацией. Ирреальное порождается за пределами мира сознанием, которое остается в мире, и человек способен воображать именно потому, что он свободен в трансцендентальном смысле [5, с. 306].

Всякое воображаемое появляется «на фоне мира», и наоборот, всякое схватывание реального в качестве мира подразумевает скрытую возможность превзойти его в направлении к воображаемому. Всякое образное сознание удерживает мир как небытийный фон воображаемого, и наоборот, всякое сознание мира призывает и мотивирует образное сознание как схватывающее особый смысл той или иной ситуации. Схватывание небытия не может быть его непосредственным раскрытием, оно реализуется в свободном следовании сознаний друг за другом и посредством этого следования, небытие выступает в качестве материи превосходения мира в направлении воображаемого. Это происходит в той мере, в какой оно переживается, хотя и никогда не полагается само по себе. Реализующее сознание не могло бы существовать здесь без образного сознания, и наоборот. Ж. П. Сартр делает следующий вывод «... воображение, хотя оно вовсе не является какой бы то ни было характеристикой факта сознания, раскрывается как существенное и трансцендентальное условие сознания. Представлять себе сознание лишенным способности воображения столь же абсурдно, как и считать его неспособным осуществить процедуру *cogito*» [5, с. 308].

Проблема фантазии как таковой и воображаемых конструктов в частности рассматривались философами и психологами в контексте

классической рациональности, а это вектор который эксплицирует данные феномены через призму сознания. Классический психоанализ и порожденные ним психоаналитические теории (во всех фундаментальных проявлениях) как воплощение неклассической психологии возникает в условиях эпистемологического кризиса, в атмосфере общетеоретических споров о природе психического на почве научного детерминизма выдвинув на передний план идею бессознательного. Таким образом, психоанализ рассматривает данные феномены не только через сознание, а в контексте динамического взаимодействия сознательных и бессознательных процессов.

Историю философии трудно представить без имени Карла Густава Юнга, высказанные им идеи до сих пор не утратили своей остроты. Наследие К. Г. Юнга в целом исследуется в современной науке весьма широко. Психоаналитическая концепция К. Г. Юнга включает в себя необычайно широкий спектр представлений: от специально-научных до философских и мировоззренческих, представляя собой материал, который долгое время будет служить объектом пристального внимания.

В русле психоаналитической проблематики, а именно с позиций аналитической психологии К. Г. Юнга активное воображение не имеет ничего общего с «фантазированием» в повседневном (обыденном смысле). Активное воображение (*imaginatio*) должно восприниматься в буквальном: как некая реальная способность создавать образы. В противоположность «фантазии», означающей лишь выдумку, внезапно промелькнувшую идею, причуду, то есть некую несуществующую мысль. Следовательно, активное воображение необходимо строго отличать от пассивного воображения, действующего в грезах. Активное воображение (*imaginatio*) – это активное воспроизведение внутренних психических образов – это настоящий подвиг мысли и мышления. Это не плетение бесцельных и беспочвенных фантазий, подобное строительству воздушных замков, а попытка постичь факты внутренней жизни и представить их в таких образах, которые соответствовали их истинной природе [9, с. 524].

Таким образом, можно сделать промежуточные выводы относительно различий фантазирования и активного воображения:

1. Один из способов выявления бессознательного, используемая при аналитической терапии техника работы с ним, представляющая собой метод интроспекции, наблюдение над развертыванием внутренних образов.

2. Хотя активное воображение напоминает собой фантазирование, но К. Г. Юнг сознательно и принципиально использовал термин

«воображение», а не «фантазия», подчеркивая значение не мимолетного впечатления, а целенаправленного творчества.

3. Если фантазия является собственной выдумкой и «скользит по поверхности индивидуальных смыслов», то активное воображение вызывает к жизни типичные образы и символические события, функционирующие и развертывающиеся в соответствии с собственной логикой.

Метод активного воображения заключается в следующем [8, с. 332]:

1. Необходима концентрация на каком-то начальном пункте, будь то спонтанное визуальное наблюдение, фрагмент сновидения, сюжет художественного произведения или какое-либо впечатление;

2. Сосредоточение на чем-то способствует порождению различных образов;

3. Необходимо устранить всякую критику и наблюдать происходящее с «абсолютной объективностью», только лишь фиксируя его;

4. Внутренняя работа бессознательного приводит к тому, что эти образы оформляются в связанные между собой события и сюжеты;

5. Вызванный к жизни материал продуцируется в сознательные формы и вызывает потребность в чувственном или зрительном воплощении;

6. Потребность в воплощении вызванного активным воображением материала в понятную форму для человека может быть реализована посредством рисунка, чертежа, пластического выражения, лепки, танца, игры;

7. Благодаря процессу объективирования наиндивидуальных образов человек лучше понимает смысл и ему становятся доступными ценности, которыми богат его архетипический материал;

8. Прделанная человеком работа оказывает на него такое воздействие, благодаря которому вызываются изменения его позиции по отношению к себе, другим людям и миру в целом.

Выводы. К. Г. Юнг усовершенствовал теорию различия между сознанием и бессознательным, установив существование коллективного бессознательного наряду с личным бессознательным. Наделил бессознательное компенсаторной функцией по отношению к сознанию. К. Г. Юнг признает сознание в качестве предварительного условия для существования человечества, равно как и для становления индивида. Он считает, что сознание структурировано, и способно выполнять определенные функции.

Функция, которая в терапевтическом пространстве интегрирует сознательные и бессознательные процессы эксплицируется в творческих

проявлениях воображения. Все элементы, активно действующие в психической жизни и определяющие ее, стекаются в воображение. К. Г. Юнг подчеркивал, что воображение пользуется плохой репутацией среди психологов; в связи с этим авторы психоаналитических теорий относились до сих пор к нему отрицательно. З. Фрейд и А. Адлер считали воображение не чем иным, как «символическим» покровом, за которым скрывается то, что для каждого из них является изначальным, основным намерением или влечением. С каузальной точки зрения, воображение, можно таким образом объяснить и девальвировать; но необходимо выдвинуть и другую точку зрения, и не только по теоретическим, а главным образом по практическим соображениям: необходимо указать на то, что воображение является плодородной почвой, на которой выросло все, что когда-либо двигало жизнью человека и развивало ее. Воображение – функция нашей психики и как таковая она обладает исключительной ценностью, только ей одной присущей и незаменимой. Корни этой функции кроются как в сознательных, так и в бессознательных элементах психического, и в коллективном, и в индивидуальном.

К. Г. Юнг настаивает на том, что проявления воображения принимались буквально, а это привело к неправильному его пониманию. Если фантазии воспринимать конкретно, то они никакой ценности не имеют. Если придавать им фрейдовский семантический смысл, то они интересны с научной точки зрения. Если же толковать фантазии герменевтически, как аутентичные символы, то они, несомненно, помогут внести гармонию в жизнь человека и согласовать ее с нашими внутренними запросами.

Символ не является внешним признаком чего-то общеизвестного, хотя и скрытого. Смысл символа заключается в его попытке разъяснить путем аналогии то, что еще скрыто в области неизвестного, в области становления. Таким образом, воображение путем более или менее удачной аналогии показывает нам образно и наглядно то, что становится, но что еще не стало конкретным. Мы уничтожим настоящую ценность символа, если будем доводить его путем анализа до чего-то общеизвестного; герменевтическое же толкование отвечает и его ценности, и его смыслу.

Список используемых источников

1. Вунд В. Фантазия как основа искусства / пер. с нем. Л. А. Зандера, под ред А. П. Нечаева. Москва : Книжный дом «Либроком», 2010. 152 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. Москва : Академический Проект, 2009. 489 с.

3. Жижек С. Чума фантазий / пер. с англ. Е. С. Смирновой. Харьков : Издательство Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
4. Разеев Д. Н. Какое значение имеет воображение для сознания? *Метафизические исследования*. 1998. Выпуск 7. Сознание. С. 98–110.
5. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / пер. с фр. М. Бекетовой. Санкт-Петербург : Наука, 2001. 319.
6. Федье Ф. Воображаемое. Власть / пер. с фр., общ.ред. и послесл. В. В. Бибикина. Москва : Едиториал УРСС, 2002. С. 35–92.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / авторы очерка о Фрейде В. Бассин и М. Ярошевский. Москва : Наука, 1991. 456 с.
8. Юнг К. Г. Очерки о психологии бессознательного / пер. с англ. под общ.ред. В. В. Зеленского. Москва : «Когито-Центр», 2010. 352 с.
9. Якоби И. Психологическое учение К. Г. Юнга : сборник. Москва : Практика. С. 385–532.

References

1. Vund V., 2010. Fantaziya kak osnova iskusstva / per. s nem. L. A. Zandera, pod red A. P. Nechayeva. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom».
2. Gusserl' E., 2009. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya / per. s nem. A. V. Mikhaylova; Vstupleniye. st. V. A. Kurenogo. Moskva: Akademicheskiiy Proyekt.
3. Zhizhek S., 2012. Chuma fantazy / per. s angl. Ye. S. Smirnovoy. – Khar'kov: Izdatel'stvo Gumanitarnyy Tsentr.
4. Razeye D. N., 1998. Kakoye znacheniye imeyet voobrazheniye dlya soznaniya? *Metafizicheskiye issledovaniya*, issue 7. Soznaniye, pp. 98–110.
5. Sartr Zh-P., 2001. Voobrazhayemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya / per. s fr. M. Beketovoy. Sankt-Peterburg : Nauka.
6. Fed'o F., 2002. Voobrazhayemoye. Vlast' / per. s fr., obshch. red. i poslesl. V. V. Bibikhin. Moskva : Yeditorial URSS, pp. 35–92.
7. Freyd Z., 1991. Vvedeniye v psikhoanaliz: Lektsii / avtory ocherka o Freyde V. Bassin i i M. Yaroshevskiy. Moskva : Nauka.
8. Yung K. G., 2010. Ocherki o psikhologii bessoznatel'nogo / per. s angl. pod obshch. red. V. V. Zelenskogo. Moskva : Kogito-Tsentr.
9. Yakobi I. Psikhologicheskoye ucheniye K. G. Yunga : sbornik. Moskva : Praktika. pp. 385–532.

АНОТАЦІЯ

А. В. Вертель, І. І. Криловецька. До проблеми понять уявне і фантазія в аналітичній психології і філософії К. Г. Юнга.

Стаття присвячена актуальній і маловивченій темі. Проаналізовано комплекс питань, пов'язаних з розумінням і інтерпретацією концептів «уявне» і «фантазія» у філософсько-психологічному дискурсі. У статті розглянуто концептуальні відмінності методологічних підходів до проблеми уявного і

фантазії в класичному психоаналізі та аналітичній психології. Показано, що у руслі психоаналітичної проблематики, а саме з позицій аналітичної психології К. Г. Юнга уява не має нічого спільного з фантазією, як в науково-прикладному, так і в повсякденному сенсі.

Ключові слова: *уявне, фантазія, несвідоме, свідомість, аналітична психологія, активна уява.*

SUMMARY

A. V. Vertel I. I. Krylovetska. To the problem of the problem of the imaginary and the fantasy concepts in K. G. Jung's analytical psychology and philosophy.

The article is devoted to the relevant and poorly studied topic. The issues complex related to the understanding and interpretation of the concepts of «imaginary» and «fantasy» in philosophical and psychological discourse are analyzed.

The methodology development for studying the «imaginary» problem in the psychoanalysis context is caused by the fact that traditional scientific, psychological and philosophical approaches today show insufficient efficiency, since they are not able to adequately explain this phenomenon.

Active imagination implies that the images represented by the subject live their own lives, and symbolic events act in accordance with their own logic. K. G. Jung suggested that if the patient simply focused on an imaginary picture, the unconscious would begin to produce a series of images adding up to the plot.

It is shown that the fantasy problem as such an imaginary constructs in particular was considered by philosophers and psychologists in the classical rationality context, and this is a vector that explicates these phenomena through the consciousness prism. Classical psychoanalysis and the psychoanalytic theories generated by it (in all fundamental manifestations) as the embodiment of non-classical psychology arise in an epistemological crisis, in an atmosphere of general theoretical debate about the psychic nature based on scientific determinism, highlighting the unconscious idea. Thus, psychoanalysis considers these phenomena not only through consciousness, but in the dynamic interaction context of conscious and unconscious processes.

The conceptual differences of methodological approaches to the problem of imaginary and fantasy in classical psychoanalysis and analytical psychology are considered. It is shown that in the mainstream of psychoanalytic problems, namely, from the standpoint of K. G. Jung's analytical psychology, the imaginary has nothing equal with fantasy, both in the scientifically-applied and in the daily activities (everyday sense).

Key words: *philosophy, analytical psychology, psychoanalysis, imaginary, fantasy, consciousness, unconscious, active imagination.*